

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

**КОНСТИТУИРОВАНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В РОССИИ:
институциональные проблемы**

Ответственные редакторы:
С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова

Москва
2018

УДК 32(470+571)

ББК 66

К65

Публикуется по решению Ученого совета ФНИСЦ РАН

Редколлегия:

С. Г. Айвазова, И. Л. Недяк, Т. В. Павлова,
С. В. Патрушев (отв. ред.), Л. Е. Филиппова (отв. ред.)

Авторский коллектив:

С. Г. Айвазова (1.1; 2.1; 2.4; 3.1; 4.2), Ю. М. Баскакова (3.1),
Г. Л. Кертман (3.4; 4.4); М. О. Комин (2.5), А. Б. Кутузов (2.7),
А. М. Кучинов (1.1; 2.1; 2.2; 3.3; 4.4), О. А. Мирясова (2.7; 3.5; 4.1; 4.2),
И. Л. Недяк (1.3; 2.3; 3.1), Т. В. Павлова (1.2; 2.3; 3.1; 4.1),
Л. Г. Панов (2.9), С. В. Патрушев (введение, 1.1; 2.1; 2.3; 3.1; 4.5),
О. В. Попова (2.8; 3.2; 4.3), Н. К. Радина (2.6),
Л. Е. Филиппова (введение; 1.1; 1.4; 2.3; 3.1; 4.5)

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор Т. Н. Самсонова
доктор социологических наук И. А. Халий

К65 **Конституирование современной политики в России:
институциональные проблемы** / отв. ред. С. В. Патрушев,
Л. Е. Филиппова. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. –
262 с. – (Политология России).

ISBN 978-5-8243-2278-1

Монография представляет результаты теоретических и эмпирических исследований институциональных проблем политики в России. Рассмотрены теория и методология исследования политики, политического поля и политического пространства. Разработана типология политики, предложена институциональная модель современной политики, а также концепция зоны власти, замещающей поле политики и политическое пространство. Показаны особенности современной и российской политики, возможности ее появления, трансформации и развития. Работа выполнена в рамках политической социологии, институциональной и гендерной политологии.

Для научных сотрудников и преподавателей вузов, а также аспирантов и студентов старших курсов – политологов, социологов, философов, специалистов в области государственного и муниципального управления, для российских граждан.

УДК 32(470+571)

ББК 66

ISBN 978-5-8243-2278-1

© Коллектив авторов, текст, 2018

© ФНИСЦ РАН, 2018

© Политическая энциклопедия, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ВЕРИФИКАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ).....	7
1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИКА.....	11
1.1. Понимание политического. Признаки современной политики.....	11
1.2. Делиберативный поворот.....	19
1.3. Архе и телос политического в республиканской традиции.....	33
1.4. Политизация и деполитизация: создание и разрушение политики.....	43
2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	53
2.1. Институциональное поле и возможность институционализации политического пространства.....	53
2.2. Институциональный, дискурсивный и агентно- структурный подходы: опыт типологии политики и институциональных сред	61
2.3. «Политическое поле» и «зона власти»: неоинституциональная, делиберативная и неореспубликанская версии идеального типа	74
2.4. Гендер: граница и/или измерение политического поля	88
2.5. Теория стратегических полей взаимодействия	93
2.6. Анализ идеологем: возможность реконструкции политического поля.....	100
2.7. Лингвостатистические методы в исследованиях гражданской активности и политизации.....	112
2.8. Анализ базовой матрицы государственной идентичности	119
2.9. Перспективы институционально-логического подхода	128
3. ПРОТОПОЛИТИКА: АГЕНТЫ, ИДЕНТИЧНОСТИ, ОБЩНОСТИ	141
3.1. Протополитическое сообщество, зона власти и возникновение политического поля: опыт эмпирической верификации.....	141
3.2. Механизмы формирования политической идентичности.....	161
3.3. Формирование политического пространства в России: институциональные особенности взаимодействия структур и акторов	168
3.4. Массовый зритель и интерес к «политике»: слово и дело	171
3.5. Объединения граждан как акторы протополитического поля	182

4. ПУТЬ РОССИИ К СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: АКТОРЫ, ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА, СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ	188
4.1. Появление новых акторов: проблема обретения субъектности.....	188
4.2. Путь к субъектности: формальные права, эмпауэрмент и мобилизация.....	193
4.3. Расколы в отношении политico-административной матрицы государственной идентичности и запрос на проект развития.....	210
4.4. Контртенденции формированию политики и политического пространства: страх перемен и оправдание насилия.....	217
4.5. Императив развития и поиск стратегии как условие современной политики	225
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	236
АВТОРЫ.....	261

текста (лемматизации и фильтрации мусора) его фамилия оказывается в одном ряду с набором продуктов, так как слово «калина» может обозначать ягоду, включенную в детское меню. Кроме того, методы, использованные в данных экспериментах, не позволяли определить тональность высказывания (позитивная, негативная, нейтральная). В дальнейших исследованиях этот недостаток может быть легко преодолен, поскольку современная компьютерная лингвистика обладает развитым аппаратом автоматического анализа тональности¹.

2.8. Анализ базовой матрицы государственной идентичности

Исследовательский вопрос о моделях политической идентичности остается в эмпирической политологии актуальным на протяжении нескольких десятилетий, что определяется во многом осознанием исследователями невозможности разработки некоторой универсальной классификации таких моделей в трансформирующихся обществах. Российские исследователи сосредотачиваются на разработке теоретических проблем идентичности в сфере политики. В этом контексте необходимо назвать имена таких российских исследователей, как В. В. Лапкин, О. Ю. Малинова, В. Е. Морозов, Е. В. Морозова, В. И. Пантин, С. П. Поцелуев, И. С. Семененко, Л. А. Фадеева и др.²

Существенным фоновым условием, определяющим интерес к исследованиям политической идентичности, является позиция политического класса, который пытается поставить задачу конструирования определенного типа политической идентичности значительных по величине социальных групп с заданной моделью поведения в публичном политическом пространстве. В реальной жизни процесс формирования политической идентичности далеко не всегда может четко задаваться и регулироваться государством, политическими акторами и социумом, однако он не является и абсолютно спонтанным, зависящим только от воли самого индивида. С этой точки зрения, методология конструктивизма оказывается нерелевантной для исследовательской задачи выявления сформированных моделей политической идентичности. С. Холл точно заметил: «Речь не столько о том, “кто мы” и “откуда”, сколько о том, чем мы можем стать, как

¹ Loukachevitch N., Blinov P., Kotelnikov E., Rubtsova Y., Ivanov V., Tutubalina E. SentiRuEval: testing object-oriented sentiment analysis systems in Russian // Proceedings of International Conference of Computational Linguistics and Intellectual Technologies Dialog. 2015. Vol. 2. P. 3–13.

² Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь мир, 2017.

нас представляют другие и как это соотносится с нашими собственными представлениями о себе... Идентичности создаются в процессе «репрезентации»¹; социальное и политическое взаимодействие индивидов, политической элиты и рядовых граждан – это то обязательное фоновое условие, которое позволяет формироваться определенной модели политической идентичности. Поливариантность формирования политических идентичностей в современном обществе не тождественна неограниченной свободе и независимости этого процесса от совокупности социально-политических условий развития общества, доминирующей в нем системы ценностей и норм культуры, особенностей политического режима государства, проводимой в нем информационной политики и т. д.

Политическая идентичность, как одна из важнейших установок политического сознания людей, позволяет им, наряду с отнесением себя к одной или нескольким социальным и/или политическим общностям, формировать свое отношение не только к происходящим политическим событиям, но и к мифологизированным представлениям о прошедших исторических политических событиях и к будущим политическим проектам, а также максимально легко принимать политические решения, включая выбор модели политического поведения (участие в электоральном процессе, массовых протестных акциях и т. д.)². Коллективная, или групповая, политическая идентичность, связанная с восприятием индивидом себя как члена определенного сообщества/группы на основе общих политических ценностей и представлений, является важным компонентом матрицы политической идентичности. Фундаментальной базой формирования идентичности является оппозиция «мы – они» или «свои – чужие». Значимый «Другой» в сфере политики также далеко не всегда является единичным объектом; реальная политика задает множество этих «Других», отношение к которым колеблется в диапазоне от образа «иного» до «врага».

Чаще всего исследователи обсуждают четыре варианта сформированной модели идентичности. В первом случае речь идет об отсутствии позитивных и негативных образцов; во втором случае – об отсутствии позитивных, но наличии негативных образов, в третьем – о наличии четких позитивных и размытых границ негативных

¹ Hall S. Introduction. Who needs “Identity”? // Questions of cultural identity / ed. by S. Hall, P. Du Gay. L., etc.: Sage, 1996. Р. 4.

² Попова О. В. Политическая идентичность молодежи Санкт-Петербурга (по итогам эмпирического политического исследования, ноябрь 2013 г.) // Вестник СПбГУ. Серия 6. СПб., 2015. № 1. С. 5.

«Других» и «чужих» в политике, в четвертом случае – о четкой модели с позитивными и негативными образцами.

Объективно ни одно социальное или политическое сообщество или отдельные личности не нуждаются в выработке или представлении объективного образа «мы», когда вопрос о формировании модели идентичности становится актуальным. Для выработки идентичности со «своей» группой «нужны не объективные истины, а политически значимые символы»¹. Образ «мы», если только речь не идет о негативной или кризисной модели, должен вызывать чувство самоуважения и уважения у значимых «Других». Выработкой политически значимых символов для идентификационной матрицы государственной идентичности занимается властвующая политическая элита. Конечно, необходимо признать, что подчас предлагаемые публике символы являются следствием компромисса внутриэлитной борьбы и/или соглашением элиты с активной частью общественности. Однако для большинства населения компоненты матрицы идентичности предлагаются уже в готовом виде как некая идеальная данность.

Политические акторы (не только государство, которое представляет административная политическая элита и публичные политики, но и другие игроки в поле политики) стремятся предложить (подчас навязать) населению свои модели идентичности. Однако следует признать относительную неэффективность этих усилий. Здесь работают пять основных факторов. Во-первых, ни один из политических игроков не может предложить непротиворечивую конструктивную модель «проекта Россия», обращенного в будущее, которую разделяли бы в равной степени большинство элитных групп и населения. Во-вторых, наблюдается отсутствие единой консолидированной точки зрения элиты на базовые компоненты матрицы политической и государственной идентичности. В-третьих, граждане России постоянно сталкиваются с нарушением логики в оценке исторических событий и политических деятелей, в государстве отсутствует последовательно проводимая единая символическая политика. В-четвертых, ни один из политических акторов, в том числе и государственные структуры, не обладают монополией или ресурсами для контроля в частной/приватной сфере за распространением идей, которые транслируются в публичной сфере. В-пятых, в современном мире ни в одном государстве (помимо тоталитарных) никто не обладает монополией над процессом политической коммуникации. Однако это не означает, что

¹ Поцелуев С. П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: МОНФ, 2001. С. 108.

попыток установить подобный контроль даже в считающемся демократическом государстве нет. Другое дело, что множество игроков в «поле политики», которые не только обладают политической волей и стремятся реализовать собственные политические интересы, но и являются проводниками – агентами – запросов иных политических сил, не обладают монополией на предложение универсальной для большинства социальных групп системы политических взглядов. Для современной политической коммуникации «типичен взаимный перехват идей и лозунгов, размытость и метафоричность понятий, неопределенность “друзей” и “врагов”»¹, однако политическая элита, предъявляя идеальный образ «мы», «наши друзья», «иные», «враги», не желает такого развития ситуации.

Стратегии предложения политическими акторами в качестве «своих» и «Других» для формирования политической идентичности образов обладают определенной схожестью; налицо: упрощенный вариант интерпретации любых процессов; дихотомизация используемых образов; ригидность; ставка на размежевание; ожидание единомыслия от населения, «отказ» людям в праве мыслить иначе; минимизация рациональности (предложение готовых образов и рецептов решения проблем); популизм, постоянное апеллирование к волеизъявлению народа; морализаторство с указанием должного; «качели» между традиционализмом и модернизацией; декларация лояльности власти и патриотизма как основных требований к политическим установкам граждан; предложение унифицированной модели политической мобилизации для всех социальных групп, попытки оказания влияния на политический «я-образ» в онлайн-пространстве посредством изощренных манипулятивных приемов.

С учетом проявления в конкретных публичных действиях установок идентичности, российские исследователи выделили следующие семь групп молодежи, чье политическое сознание существенно различается по базовым характеристикам идентичности. Данная типология, фиксирующая в качестве критериев различия модели идентичности приоритетную сферу деятельности, отношение к власти, инициативность в публичной сфере, подходит и для классификации моделей идентичности взрослого населения страны. Во-первых, это так называемые «инициативные» граждане, которые склонны к участию в бизнесе, готовы брать на себя предпринимательский риск, участвовать в гражданских и политических инициативах, проявлять себя лидерами. Во-вторых, это группа «исполнительных» людей, которые проявляют себя как законопослушные, «ведомые», они склон-

¹ Понтулев С. П. Символические средства политической идентичности. С. 108.

ны участвовать в жизни общества и государства только в качестве квалифицированных специалистов-исполнителей. В-третьих, это группа «спекулятивных» граждан, которые ориентированы на успех в трудовой деятельности, но не за счет проявления деловых качеств в рамках добросовестной профессиональной конкуренции, а благодаря «доходной» должности (предпочитают чиновниче-управленческие должности) или рода деятельности в области торговли, различного вида посредничества, а также за счет получения высоких процентов в качестве рантье. В-четвертых, это большая группа «социально зависимых» людей, которые склонны к патернализму, не проявляют личную инициативу, рассчитывают на социальную защиту и гарантии со стороны государства, минимизируют объем и качество выполняемой работы. В-пятых, проявляется группа «оппозиционных» граждан-активистов, которые склонны к демонстрации активного публичного протesta, а также те, кто не вписался в систему социальных и политических отношений в современной России и проявляет склонность к пассивному социальному протесту, в том числе за счет ухода в онлайн-пространство, где недовольство своей ситуацией и ситуацией в обществе в целом выливается в весьма активные вербальные действия в виртуальном пространстве с крайне редким выходом в оффлайн-среду. В-шестых, проявляется группа «анархически» настроенных людей; это – индивидуалисты-скептики, отрицающие законопослушность как условие нахождения в системе социальных отношений, склонные к маргинальным поступкам и чаще всего принадлежащие к какой-либо радикальной (не обязательно политической) субкультуре. В-седьмых, это – «пассивные» – законо-послушная часть населения, готовая делать жизненный выбор только под влиянием какого-то лидера общественного мнения, включая представителей близкого круга общения (родные и друзья), кумиров или популярных представителей СМИ¹. По оценкам экспертов, почти девять десятых граждан с подобными установками вполне адаптированы к современным российским реалиям и даже потенциально не представляют угрозы своими взглядами и действиями современному политическому режиму и элитным группам.

В этой типологии четко фиксируется отношение к власти, однако отметим, что существенным ограничением этой классификации моделей идентичности является то, что она не учитывает систему политических ценностей существующего в настоящее время идеологи-

¹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Современная молодежь: Тенденции социализации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. М., 2009. № 6 (94). С. 5–36; Они же. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.

ческого спектра политических игроков и отношение к предлагаемым политическими акторами вариантам наполнения матрицы государственной идентичности.

Анализ программ политических партий, выступлений лидеров парламентских и внепарламентских партий, официального дискурса российской административно-политической элиты, лидеров гражданского мнения, гражданских активистов ясно показывает, что в настоящее время традиционная модель классификации поля политики по оси «правые – левые» не может выступать четким критерием дифференциации политических взглядов политических акторов. Наглядно это демонстрируют фактически все российские политические игроки. Находящиеся на вершине власти и занимающие высшие административные должности представители политической элиты сочетают либеральные установки в сфере экономики с государственническими установками в сфере внешней политики и обращением к социуму с социал-демократическими лозунгами, апеллирующими к принципу справедливости. Политические акторы, позиционирующие себя как левые, коммунисты, сочетают государственнические установки с православными ценностями, отказываются от борьбы против собственности, от классовой борьбы в целом, их программы все более напоминают модификации идей североевропейской социал-демократии. При этом политические акторы, декларирующие свою политическую позицию именно как социал-демократическую, все чаще выполняют роль спойлеров и спарринг-партнеров для действующей верхушки политической элиты.

Примеров этого достаточно много. Например, на уровне официального дискурса В. В. Путин позиционирует себя как консерватор, однако анализ позволяет четко идентифицировать проводимую им экономическую политику как либеральную; во внешней политике он проявляет себя как сильный государственник, которому не чужды нормы проводившейся в СССР внешней политики, а в социальной политике явно прослеживаются элементы подхода социал-демократов. Схожую картину можно наблюдать при оценке программ партий, заявлений их лидеров и практической деятельности. Из всего многообразия партийного спектра современной России едва ли ни единственной организацией, чья партийная платформа строго соответствует какой-либо идеологии, является «Справедливая Россия». Для исследователя в этом кейсе представляет особый интерес то обстоятельство, что классическая социал-демократическая позиция этой партии основана на принципе социальной справедливости и предполагает реализацию мощных социальных программ, соответствующих интересам большинства населения России (наемных работников, мелких и средних предпринимателей, социально незащищенных сло-

ев населения и т. д.), однако число людей, идентифицирующих свои интересы с позицией этой партии и поддерживающих ее, крайне невелико и постоянно снижается. Кроме того, наиболее строго сохраняют свою политическую идентичность носители националистических взглядов.

Не утрачивая окончательно своего системообразующего значения для формирования поля политики в современной России, идеология как бы уходит в тень, уступая позицию классифицирующего основания политической идентичности политической элиты и, как следствие, и рядовых граждан Российского государства, матрице государственной идентичности. Отметим, что существенным пороком/ограничением всех предлагаемых политическими акторами вариантов является отсутствие четкого позитивного образа будущего России («проекта России»), которое было бы привлекательно для большинства населения и выполняло бы важную мобилизующую и объединяющую функцию для граждан страны. Предложенные в 1990-х гг. последовательно модели «новой демократической России», «единого российского народа» и «особой, сформированной на основе православия цивилизации» не имели успеха с точки зрения выполнения этой функции, однако правящая политическая элита в России в последние 10 лет продолжает упорно декларировать необходимость придерживаться третьей модели, дополнив ее идеей патриотизма.

В этом случае встает вопрос о предлагаемой политическим актором базовой матрице идентичности, под которую подстраивается сознание людей – объектов идентификации. Полная матрица политики государственной идентичности имеет два измерения: вертикальное (динамическое, временное «прошлое – настоящее – будущее») и горизонтальное (пространственное, территориальное), но в определенных политических условиях может актуализироваться и только одно из них.

Матрица государственной политики идентичности формируется на основе предлагаемого элитой национального мифа, который, вписывая человека в коллективный сценарий поведения и формируя коллективную систему ожиданий, играет исключительно важную роль в обеспечении стабильности политического режима и политической системы государства. Она включает в себя следующие три компонента: а) образ «нашего» государства, в котором отражаются «правильные» границы территории страны (пределы государства / границы и способ восприятия отдельных территорий государства), время создания государственности, государственная символика, сонм исторических героев, основной мифологизированный исторический персонаж-герой, поддерживаемый значительным большинством граждан современный национальный герой-лидер, чей образ

должен ассоциироваться в сознании населения с образом всей политической элиты; б) образ «мы» с однозначно трактуемым способом обозначения населения государства, декларацией принадлежности страны к определенному типу цивилизации и самоопределением элиты относительно значимых для нее групп; в) образ «они» с внешним и внутренним измерением, а также с выделением «своих», «иных», «чужих» и «врагов», для обозначения которого чаще всего используется конфронтационная модель «другие – чужие – враги», имеющая внешнее и внутреннее измерения; эти образы могут быть как обобщенными, абстрактными, так и персонифицироваться¹.

Важным предметом политической полемики для политических акторов в борьбе за доминирование своей версии базовой матрицы государственной идентичности являются вопросы, связанные с временной точкой отсчета создания российского государства и определением, кого из князей следует считать русскими/российскими. В этой идеологической борьбе соответствие точек зрения политических игроков исторической действительности вообще никакого значения не имеет. Вариации на тему «назначения» главным городом происхождения российской государственности («Киев – мать городов русских», «1150 лет Российской государственности» в привязке к возрасту Великого Новгорода, «Русь московская» и т. д.), определения князей Владимира Мономаха или Ярослава Мудрого как русских или украинских исторических деятелей, равно как и выявление «начальной» временной точки Руси/России становятся всего лишь разменной картой для позиционирования игроков в политическом пространстве.

Следует обратить внимание также и на то, что концентрация на прошлом при отсутствии позитивного, тщательно проработанного, «конкурентоспособного» образа будущего России свидетельствует об ущербности предлагаемых моделей государственной идентичности фактически всеми политическими силами в нашей стране. Вариант «привлекательной неопределенности», столь часто используемый в политических манипуляциях политиками, стоящими на вершине власти, оказывается не чужд и представителям несистемной оппозиции. Образ «прекрасная Россия будущего», в котором четко обозначен только один элемент – отсутствие коррупции, исключительно хорош в качестве рекламного политического слогана, но ока-

¹ Попова О. В. Матрица государственной идентичности в эпоху постправды // Время больших перемен: Политика и политики. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: РУДН, 2017. С. 291–292.

зывается слишком неопределенным для людей, уже прошедших фазу доминирования негативной модели идентичности.

Схожая ситуация складывается и с элементом матрицы идентичности «мы». Политические акторы, особенно представители политической или бизнес-элиты, отнюдь не склонны искать нечто общее у своей группы с гражданами России и идентифицировать себя с ними (см., например, скандальное выступление Г. Грефа на Петербургском экономическом форуме в 2014 г.)¹. Фактически это – ситуация двоемыслия, когда, с одной стороны, декларируется единство всех граждан России и действует норма ст. 282 УК РФ о возбуждении ненависти и вражды², а, с другой стороны, между рядовыми гражданами и элитными группами существует непреодолимая пропасть в объеме доступа к различного рода ресурсам и благам.

В современной России происходит постепенная трансформация функций базовой матрицы идентичности. Она уже не только формирует определенное идеологическое мировоззрение на межгосударственное устройство современного мира и место «своего» государства в нем. В условиях активизации политической борьбы не только во внутри-, но и на межгосударственном уровне она все чаще играет роль значимого образца, задающего границы и образы гражданственности. Базовая матрица государственной идентичности в реальной политике все чаще играет роль ставки в конкурентной борьбе политических акторов с различными политическими установками в борьбе за преданность и лояльность населения. Не существует единой базовой матрицы государственной идентичности, которая бы разделялась если не всеми, то большинством политических акторов. Они стремятся предлагать собственные, отличающиеся от других, модели и делают их одновременно средствами привлечения сторонников и проверки своих последователей на лояльность и преданность.

В последние несколько лет можно наблюдать определенную трансформацию компонентов базовой матрицы государственной идентичности. Внимания заслуживают следующие тенденции.

Во-первых, при сохранении жестко заданной структуры государственной матрицы идентичности образы компонентов становятся все более подвижными, подверженными ситуативной изменчивости, легитимируемой политической «целесообразностью момента».

¹ Элита о народе. Греф проговорился. 13 сент. 2013 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RpKYXPnhjAM>

² «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018). УК РФ. Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/

Во-вторых, наблюдается утрата логической стройности и непротиворечивости конструкта этой матрицы у различных политических акторов.

В-третьих, визуальные образы матрицы государственной идентичности связываются не только с государственной символикой настоящего, все более активно используются атрибуты прошлого; актуализируется перенос времени формирования государства вглубь веков.

В-четвертых, акцентируется яркий, положительный образ общего будущего народа и страны; подчеркивается контраст между тяжелым прошлым и светлым будущим, но при этом будущее остается крайне неопределенным, проект будущей России как таковой отсутствует. Действующей административной политической элитой она описывается как великая, традиционалистская и духовная; либеральная часть политической элиты традиционно описывает будущую страну как демократическую, следующую нормам и идеалам западных стран.

В-пятых, вне зависимости от числа сторонников политических акторов, предлагающих ту или иную модель базовой матрицы государственной идентичности, образ «мы» всегда представляется как доминирующая (самая большая, наиболее значимая, исключительная) социальная группа. В матрицу обязательно включается этнический компонент, подчас полностью подменяющий собой все содержание «мы».

В-шестых, происходит активная мифологизация образов как «мы», так и «Другие». «Мы» лишены недостатков, в отношении «Других» доминирует конфронтационная модель их как чужих или врагов. Позитивный образ «Других» также не соответствует политической реальности; усилиями политических акторов он трансформируется в образ мощных вечных союзников или покровителей.

2.9. Перспективы институционально-логического подхода

Концепт поля получил широкое распространение благодаря дисциплине «организационный институционализм», в русле которой сложился подход для эмпирических институциональных исследований. Впервые в рамках этого направления концепт поля сформулировали П. Димаджио и У. Паузелл, определив организационное поле как «те организации, которые в совокупности составляют распознаваемую область социальной жизни: это ключевые поставщики, потребители ресурсов и продуктов, регуляторы и другие организации, производящие сходные продукты или услуги»¹.

¹ Димаджио П., Паузелл У., Юдин Г. Б. Новый взгляд на «железную клетку». Институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в орг-

торый дает шанс пробиться росткам политики не-доминирования на российской почве.

3.2. Механизмы формирования политической идентичности

В политической науке нет единой точки зрения по вопросу о механизме формирования политической идентичности¹. Традиционно под этим термином понимают процесс формирования индивидом в ходе социализации, усвоения личностью норм, идеалов, ценностей, ролей, стандартов поведения тех групп, к которым он принадлежит, идеального образа значимых политических объектов и «своих» в сфере политики. С одной стороны, уже с конца 1960-х гг. у исследователей не вызывает сомнения то, что базовым механизмом формирования политической идентичности является первичная, вторичная политическая социализация и этап ресоциализации. С другой стороны, периодически возникает вопрос если не о конкурирующих концепциях, то о дополнительных, объясняющих трансформацию политической идентичности уже взрослых людей. Отметим также, что все чаще в литературе встречается точка зрения, ставящая знак равенства между механизмом формирования политической идентичности как естественным процессом и технологией.

Основной механизм формирования политической идентичности – политическая самоидентификация, процесс отнесения себя к той или иной политической группе, например, к сторонникам той или иной политической организации, системы политических взглядов или того или иного политического деятеля. Важный элемент – наличие позитивного образца. Однако в реальной политической жизни гораздо чаще ситуация складывается иначе – люди достаточно легко определяются с негативной моделью, но не имеют четкого представления о позитивных образцах.

В основе формирования политической идентичности лежит установление тождества индивида с определенными объектами, которые маркируются в его сознании как собственно политические или относящиеся к сфере политики. Одновременно фиксируется принадлежность к определенной группе, которая обладает некоторыми особенностями, связанными с ее идеологическими ценностями и по-

¹ Попова О. В. Механизмы формирования политической идентичности // Политическое пространство и социальное время. 1917–2017: смыслы и ценности прошедшего столетия: Сборник научных трудов XXXII Харакского форума 17–21 мая 2017 г., г. Ялта / под ред. Т. А. Сенюшкой, А. В. Баранова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 176–182.

литическим поведением (формируется образ «мы»). Базовый механизм – политическая социализация – включает три этапа (первичную, вторичную социализацию и ресоциализацию).

Сторонники теории социализации как основного механизма формирования политической идентичности акцентируют множественность ее объектов (традиционно выделяют набор идеологических ценностей, партии и политические персоны, но этот список может значительно видоизменяться и дополняться), а также моделей политической идентичности и усваиваемых индивидом социальных и политических ролей. Процесс социализации, который постоянно сопровождается самоидентификацией личности и выражает стремление личности к единству, связан с «обретением самости» и длится всю жизнь.

Существенной латентной функцией политической идентичности выступает социальный контроль. Предлагая через систему средств массовой коммуникации и встраивая в процесс социализации контролируемый набор социально одобряемых (в данном случае элитой) моделей политической идентичности граждан, власть может вполне успешно осуществлять эту функцию, обеспечивая достаточно высокий уровень согласия среди населения путем затушевывания спорных проблем. При формировании политической идентичности может быть использован мобилизационный механизм идентичности на основе целенаправленного навязывания политических образцов в рамках реализации политики идентичности. Задача политики идентичности – навязывание людям определенных стереотипов мышления о себе самих, своей нации, стране, мире и т. д.¹

В качестве субъектов политики идентичности как механизма формирования политических установок людей и на их основании определенных моделей политической идентичности могут выступать любые социальные и политические акторы, как, например, различные меньшинства – этнические, гендерные и т. д., или политические и государственные институты власти. Государство остается значимым, обладающим существенными ресурсами и средствами контроля и манипуляции политическим актором в жизни как локальных сообществ, так и макрообщностей. Оно стремится монополизировать не только различные формы легально применяемого насилия, но и легитимную символическую власть, право именовать, идентифицировать, устанавливать, кто есть кто и что есть что².

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: ИД ВШЭ, 2012.

² İnaç H., Ünal F. The construction of national identity in modern times: Theoretical perspective // International journal of humanities and social science. N. Y., 2013. Vol. 3. N. 11. P. 223–232.

Функциональное предназначение политики идентичности государства – формирование символического единства граждан страны с целью обеспечения долгосрочной политической мобилизации населения в поддержку существующего политического режима. Кроме того, она символически легитимирует существующую политическую систему, дает идеологическое обоснование политики социального партнерства, снижает риски проявлений классовой борьбы. Инструментами политики идентичности выступают государственный язык, образовательные программы, нормы приобретения гражданства, национальные символы, государственные праздники, обозначения топографических объектов и т. д.¹ Используются и юридические инструменты, поддерживающие государственную политику идентичности и делящие людей на «своих» и «чужих», «нас» и «их», «друзей» и «врагов».

Классическое представление о механизме формирования идентичности базируется на представлении, что у человека формируется тождество не только с определенными социальными ролями, но и с общностями, например,нацией, обществом в целом. Идентичность может основываться на личностном конструкте «Я – общество» (позиция индивида в системах «я – мы» и «мы – они») (Я. Рейковский, В. Брушлинский). Мир воспринимается как групповой, в котором происходит выделение похожих на «меня» и идентичных «мне», и внегрупповой, создающий дифференциацию «мы – они». Тип личной идентичности (большая дистанция «я – мы» и маленькая «мы – они») – деятельный вариант осознания социальных и политических проблем, или субъект-объектный тип личностного конструкта, которому свойственна субъективность личностной позиции, внутренняя убежденность в зависимости всего происходящего вокруг только от собственных желаний и способностей. Эти персоны ощущают себя активной стороной, именно они оценивают, принимают решения. В то же время эти люди осознают только те проблемы, которые соответствуют их социальному статусу, принятые для обсуждения определенным кругом лиц. Тип групповой идентичности (маленькая дистанция «я – мы» и большая «мы – они») сопоставим с созерцательным типом осознания, или объект-субъектным типом личностного конструкта. Эти люди наряду с аргументированными, продуманными выводами и суждениями демонстрируют отсутствие собственной точки зрения, позицию «стороннего наблюдателя», практическую

¹ Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис: М., 2010. № 2. С. 91; National day's: Constructing and mobilizing national identity / ed. by D. McCrone, G. McPherson. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2009.

беспомощность, пассивность, отчужденность в реальной политической жизни. Тип дифференциальной идентичности (большая дистанция «я – мы» и «мы – они») сопоставим с проблематизирующим типом осознания, или субъект-субъектным типом личностного конструкта, свободным от стереотипов в мышлении и поведении, имеющим высокий уровень осмыслиения социальных проблем и личностной активности, связанной не только с потребностями личности, но и общества в целом. Четвертый тип – диффузная идентичность (маленькая дистанция «я – мы» и «мы – они») – предполагает стереотипизированный тип сознания, или объект-объектный тип личностного конструкта. Наличие «запрограммированных» штампов вместо лично значимых проблем, консервативность в общении, сложность межличностной коммуникации, неспособность быстро усваивать новые нормы взаимоотношений, отсутствие потребности быть принятным в группе – все это характеризует индивида с диффузной идентичностью¹.

Один из подходов предполагает, что первый этап формирования идентичности заключается в присоединении индивида к какой-либо группе или социальному институту, в процессе которого человек проецирует свои собственные характеристики на них, вследствие чего возникает ощущение единства с этим сообществом, а совместные действия с другими членами этого сообщества наполняются для человека смыслом. На втором этапе активизируются процессы деперсонализации, когда конкретные виды социальной идентичности доминируют над целостным ощущением «Я», а человек приписывает себе характеристики «своей» группы. На третьем этапе по мере возрастания количества контактов с другими людьми индивид начинает осознавать свою принадлежность одновременно к нескольким группам, в его сознании актуализируются различные объекты политической идентичности, которые могут восприниматься им как обособленные, подчас противоречащие друг другу. На четвертом этапе формирования идентичности множественные, отличные друг от друга объекты идентификации воспринимаются уже как значимые для него «Я».

Концепт референтных групп предлагает иное объяснение механизма формирования идентичности: в этом качестве может выступать чувство удовлетворенности от принадлежности к «своей» или желание вхождения в позитивную референтную группу на основании сравнения их положения и наличия особых ресурсов. Наглядный пример – голосование за «партию большинства». Важным элементом

¹ Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 25–27.

этого механизма является эмоционально-оценочный компонент с акцентированием различий между группами. Поскольку для индивида исключительно важно признание со стороны значимых «других», ощущение групповой защиты, солидарности, стабильности, поддержание самоуважения, то в области политики фактическое или символическое присоединение к какой-либо группе, которая имеет существенные политические ресурсы, дает человеку не только возможность реализации каких-либо своих интересов, но и обеспечивает ощущение защищенности, в том числе за счет ожидаемой позитивной оценки со стороны «своих». Процесс формирования идентичности с какой-либо политической группой или институтом предполагает, что человек в доступных ему понятиях объясняет самому себе взаимосвязи и отношения между политическими акторами и оказывается в состоянии оценить наличие у них тех или иных ресурсов, которые он гипотетически может использовать в своих целях. Сторонники концепта референтных групп допускают ситуацию низкой способности людей к осознанию подлинных причин идентификации с политическими объектами; в этом случае на первый план выходят эмоциональные, спонтанные, а подчас и иррациональные мотивы действий. Соотнесение себя с какими-либо периферийными, маловлияательными общностями, связанное с ощущением собственной социальной и политической несостоятельности, как и формирование негативной модели политической идентичности, может сыграть роль мобилизационного фактора в реализации протестной политической активности.

В кризисной политической ситуации возможно формирование политической идентичности людей с весьма умеренной степенью политической ангажированности в малом круге непосредственных социальных контактов или с высокими показателями способности к политической мобилизации с абстрактными большими социальными группами и политическими акторами, с которыми у человека реального взаимодействия в повседневной жизни может и не быть. В первом случае идентичность формируется в ходе непосредственного взаимодействия индивида с другими людьми на политические темы, во втором – опосредованно по каналам масс-медиа.

В рамках некоторых методологических направлений формируется особое представление о механизмах формирования политической идентичности. Так, в рамках символического интеракционизма акцент делается на процессах политического взаимодействия, причем реакция людей «не вызывается непосредственно действиями другого, а основывается на значении, которое они придают подобным

действиям¹. Предполагается существование нескольких уровней, связанных с процессом идентификации. На первой происходит идентификация «Я» с предметной средой (Я есть...). Вторая ступень предполагает самообозначение «Я» посредством противопоставления себя и себе подобных с иными (другими, чужими, врагами и т. д.). Третий этап предполагает выстраивание образа мира в соответствии с персональной перспективой и потребностью быть представленным в этом мире, утвердиться в нем. На четвертой ступени человек оказывается способным соотнести эту созданную им реальность с личным практическим опытом и вносить в собственные политические представления определенные изменения.

В рамках постструктурализма рассматривается механизм трансформации ситуационной идентичности в базисную. Ситуационная политическая идентичность непосредственно связана с актуальной политической практикой, для ее изменения достаточно профессионально навязанных извне с помощью манипулятивных методов «правильных» схем анализа ситуации и «правильного» же политического решения. Надситуационная политическая идентичность связана со всем политическим опытом человека. Она фиксирует «значимость» для индивида определенных политических отношений. Ситуационные политические идентичности являются исходным материалом для выстраивания надличностной политической идентичности человека, они должны быть осмыслены и приняты им, распространены на все похожие ситуации. Формирование надситуационной политической идентичности в процессе политической социализации предполагает «вписывание» политических ролей в габитус агента поля политики. Формирование базисной политической идентичности происходит посредством разрешения кризисных состояний сознания личности. Надситуационная политическая идентичность диктует личности нормы и правила политического действия, схемы восприятия, мышления, оценки, способы политической коммуникации, постановки и разрешения проблем. По версии постструктураллистов, формирование надситуационной идентичности проходит четыре этапа: а) возникновение эмпатии к персонифицированной позиции в поле политики; б) становление ситуационной политической идентичности на основе эмпатии; в) осознание ситуационной политической идентичности и формирование надситуационной идентичности; г) принятие личностью осознанной устойчивой идентичности

¹ Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 173.

в качестве личностной политической идентичности¹. Формирование базисной идентичности на основе ситуационной в условиях трансформации общества может приобретать кризисный характер.

Для сторонников методологии конструктивизма (Б. Андерсон, П. Бергер, Н. Лукман), у человека в современном мире существует якобы почти неограниченная свобода выбора модели идентичности (человек является тем, что он сам из себя формирует), но нет и не может быть навсегда заданного набора черт, склонностей и образа «Я», поэтому ключевыми механизмами формирования идентичности являются воля и постоянная саморефлексия индивида². Цель идентификации – достижение аутентичности себя самого посредством дифференциации истинного и ложного «я», эмоционального преодоления прошлого и осмысленного прогнозирования своего образа в будущем. Поскольку «я», в том числе и политическое, есть непрерывный проект саморефлексии, то механизм формирования политической идентичности предполагает способность человека к четкому обозначению своего места в политическом пространстве, рациональную мотивацию политических действий и выстраивание четкой траектории развития личности, т. е. контроль над временем. Единственным критерием правильности выбранных индивидом ценностей, установок, способов действия в сфере политики, его идентичности является убежденность в своей правоте.

Вероятно, причинами постоянно повторяющихся попыток политических акторов навязать рядовым гражданам определенные модели государственной идентичности являются их твердая (и далеко не всегда беспочвенная) убежденность в объективности политического сознания граждан, в неспособности «среднестатистического обывателя» адекватно рефлексировать по поводу происходящего вокруг в социуме, в отсутствии необходимых знаний для понимания тенденций исторического развития своего государства, а также избыточный индивидуализм и концентрация почти исключительно на своих проблемах большинства населения страны. Однако механизм формирования государственной идентичности (как и прочих других ее форм) на основе исключительно свободного и независимого выбора модели индивидом, ее формирования исключительно на основе его политических предпочтений, как и версия автоматического внедрения в

¹ Качанов Ю. Опыты о поле политики. М.: Институт экспериментальной социологии, 1994. С. 118.

² From group identity to political cohesion and commitment / L. Huddy, D. O. Sears, J. Levy (eds.). N. Y.: Oxford Univ. Press, 2013. P. 1–71. URL: http://www.surrey.ac.uk/politics/research/researchareasofstaff/isppsummeracademy/instructors%20/Huddy_GroupIdentity_Handbook_2013%20%282%29.pdf

сознание людей готовой матрицы государственной идентичности кажется неубедительными.

3.3. Формирование политического пространства в России: институциональные особенности взаимодействия структур и акторов

По результатам опроса ОСПИ-2018 респонденты разделены на категории «активистов», «наблюдателей» и «вне политики» на основании их самоидентификации относительно участия в политике. При этом стоит специально оговориться, что активизм не может считаться некоей оптимально-эталонной стратегией политического поведения, участие вообще и политическое участие должно разграничиваться, политическое участие не сводится к голосованию на выборах¹. Как активисты, так и наблюдатели – это акторы, более релевантные полю политики и его формированию; однако респонденты «вне политики» – это некоторым образом «отчуждённые» от общепринятых общественных и политических отношений. Таким образом, респонденты «вне политики» нерелевантны полю политики и не способствуют его формированию. В свою очередь, «отчуждённые» влияют и на остальных акторов, в результате чего меняются конфигурации общественных связей и политическое пространство не формируется. В связи с этим важно не столько проявлять интерес к активизму самому по себе, сколько рассматривать, как разные категории респондентов взаимодействуют со структурой – прежде всего через изучение их отношения к разным нормам.

У активистов (62 %) и наблюдателей (50,3 %) нарушение законов государства вызывает большее неприятие, чем у находящихся «вне политики» (45,2 %). Наблюдатели (49,7 %) и «вне политики» (42,2 %) больше активистов (28 %) выражают неприятие нарушения норм морали. Эти две тенденции говорят о разном взаимодействии респондентов с нормами того или иного характера: активисты и наблюдатели более трепетно относятся к формальным нормам, а для респондентов «вне политики» они имеют меньшее значение. Другой основополагающий тип норм для политики – мораль, судя по приведённым данным, почти обратным данным об отношении к законам, имеет слабую институционализацию и воспринимается как некий «антитипод» праву, «замещающий» его. Таким образом, становятся очевидными самые серьёзные проблемы с работоспособностью обо-

¹ Об этом подробно: The civic culture revisited: analytical study / gen. ed. G. A. Almond, S. Verba. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1980.

Функционеры «зоны власти» подходят к мобилизации граждан исключительно утилитарно, используя широкий набор средств (от подкупа до использования базовых потребностей людей в коммуникации, причастности к значимым событиям и т. д.). Цель функционеров – вовлечь граждан в политические мероприятия в роли пассивных статистов (или в роли участников, заведомо согласных действовать в рамках готового сценария). Функционеры не обладают собственной волей, будучи своего рода функцией от задач «зоны власти». Побочным (и для них нежелательным) результатом их деятельности (в том числе деятельности по формированию идеологических предпочтений) может быть возникновение субъектности у тех, кого они мобилизовали. В качестве примеров такого рода «издержек» можно привести появление «излишне активных» сторонников независимости Донбасса, которых стали опасаться власти после их возвращения из зоны боевых действий, или возникновение в результате кампании депутата Госдумы Натальи Поклонской против фильма «Матильда» организации «Христианское государство – Святая Русь», которая прибегла к поджогам и угрозам физической расправы. Для «зоны власти» субъектность граждан и их объединений в принципе явление нежелательное.

Граждане-акторы из ближайшего окружения индивида являются важной мобилизующей силой в современной России, поскольку степень доверия граждан высока только к узкому кругу родственников, друзей и коллег. В частности, исследования социологов о механизмах вовлечения в волонтерские движения говорят о том, что наличие среди родственников или знакомых гражданина волонтеров существенно повышает вероятность его участия в волонтерских акциях. Так, опросы социологами участников протестных акций 2011–2012 гг. показали, что многие из них пришли туда с друзьями.

4.3. Расколы в отношении политico-административной матрицы государственной идентичности и запрос на проект развития

Монополией на формирование политического сознания граждан не может обладать ни один политический актор в государстве. Тем не менее политические институты, движения и лидеры в государстве стремятся использовать в качестве неинституционализированного политического ресурса для формирования и сплочения групп своих сторонников и их мобилизации определенные модели политической и, в частности, государственной идентичности. В зависимости от политического веса акторов предлагаемые ими модели воспринимаются гражданами как более или менее убедительные, значимые. Поскольку политические акторы в формировании своей версии идентичности

исходят прежде всего из собственных идеологических убеждений и политических предпочтений, рассматривая политическое сознание граждан как объект своего влияния, подчас не интересуясь мнением населения, не стремясь скорректировать модели государственной идентичности с представлениями самих граждан и используя стратегии навязывания и манипуляции при распространении политической информации, то ожидания тотального внедрения в массовое сознание заданных матриц государственной идентичности чаще всего не происходит. Вместе с тем политические игроки ориентируются на достаточно устойчивые социально-демографические группы предлагаемых вариантов государственной идентичности.

Проведенные в последние годы эмпирические исследования как общероссийского, так и регионального уровней продемонстрировали наличие расколов мнения населения в отношении предлагаемой политико-административной элитой матрицы государственной идентичности по следующим линиям: а) межпоколенческий раскол «“дети новой России” – “советская гвардия”» (до 30 лет – старше 50 лет); б) тип поселения «российские мегаполисы с населением свыше 1 млн жителей – малые города с населением до 150 тыс. жителей»; в) тип субъекта федерации «области – национальные республики».

Такие показатели, как уровень образования, доход, род деятельности, пол, обладают меньшим дифференцирующим потенциалом в отношении к ретранслируемой властными структурами матрице государственной идентичности, хотя ни одна из них не является несущественной.

Анализ показывает наличие размежеваний по отношению к своему государству даже в среде молодежи, проживающей в крупных промышленных центрах. Студенческая и работающая молодежь по-разному относится к историческому прошлому и символике государства.

В таблице 19 тезисно обозначены позиции различных возрастных групп в отношении основных компонентов матрицы государственной идентичности. Акцент сделан на степень сформированности и проявленности позиций групп в отношении каждого структурного компонента.

Не только олицетворяющая собой в глазах рядовых граждан государство политико-административная элита предлагает упрощенную модель матрицы государственной идентичности, но и другие политические акторы поступают аналогично. На сегодняшний день все представленные в информационном пространстве версии базовой матрицы государственной идентичности, помимо упрощенного варианта интерпретации любых процессов, обладают следующими характеристиками; они ригидные, негибкие, не допускают вариативность интерпретации компонентов; построены по принципу дихото-

мизации, делают ставку прежде всего не на объединение различных групп граждан России, а на размежевание, хотя формально декларируется иное; процветает морализаторство с указанием должного; при этом сквозит ожидание единомыслия, «отказа» в праве людей мыслить как-то иначе; доминирует принцип минимизации рациональности (ставка делается на предложение «готовых» образов и рецептов решения любых социальных и политических проблем, предлагается унификация схемы политической мобилизации для всех социальных групп). Фактически никто из политических акторов не пренебрегает популистскими идеями и постоянной апелляцией к волеизъявлению народа.

Различия касаются очень ограниченного круга вопросов. Если в политико-административной элите лояльность власти и патриотизм позиционируются как основные требования к политическим установкам граждан, то в либеральном крыле требование патриотизма минимизируется, что, впрочем, не отнимает ожидания преданного отношения к представителям и идеям контрэлиты этого политического сегмента. Кроме того, в предложениях различных политических сил можно наблюдать «качели» между традиционализмом и модернизацией.

Разменной монетой остается отношение к относительно недавнему прошлому России – истории последних полутора сотен лет, начиная с момента выделения в российской интеллектуальной элите западников и славянофилов и формирования движения разночинцев. За некоторым внешним снижением интереса к событиям в России XX в. скрывается незаживающая рана, травма противостояния различных политических сил в отношении несуществующего уже четверть века государства – Советской России, СССР. Нынешняя российская политико-административная элита мечется между стремлением предать забвению или анафеме 74 года существования этого государства и необходимостью использовать политические преференции от успехов нашей страны в этот отрезок времени – колосальных достижений в фундаментальных отраслях науки, прорывов в космической сфере, победы в Великой Отечественной войне, резкого усиления позиций российского государства на международной арене и т. д. Кроме того, важным маркером предъявляемой политическими элитами гражданам модели государственной идентичности является и отношение политических акторов к совсем недавним событиям в Южной Осетии и Абхазии, в Крыму, а также в Донецке и Луганске (варианты названий, принципиально разграничитывающие отношение к последним, – Новороссия, самопровозглашенные республики ДНР, ЛНР, сепаратисты на востоке Украины, незаконные бандформирования, поддерживаемые Россией, и т. д.).

Таблица 19. Отношение граждан России к предлагаемым элитой основным компонентам матрицы государственной идентичности¹

Компоненты базовой матрицы государственной идентичности	Властвующая политico-административная элита	Молодежь (студенческая, проживающая в крупных промышленных центрах безотносительно географического расположения региона)	Взрослые граждане РФ
<i>Параметр 1. Образ «нашего» государства (5 измерений)</i>			
«правильные» границы территории страны: 1) пределы государства / границы; 2) восприятие отдельных территорий государства	1) «большая Россия»; 2) центр/периферия, Москва/провинция	1) Россия в нынешних границах с акцентацией локальной идентичности («малая родина»); 2) восприятие отдельных территорий государства в схемах «центр/периферия», «место моего проживания / другие регионы» (доминирует в национальных республиках – субъектах РФ)	1) постепенное размытие образов территориальных границ СССР и Российской империи до 1917 г., более высокое значение региональной идентичности для национальных республик Поволжья и Северного Кавказа; 2) доминирование представления «Москва – не Россия» (опасное противопоставление, пришедшее на смену образу «Москва – сердце нашей страны»)
«правильное» время создания государственности	«российской государственности свыше 1150 лет»	образ размыт	Образ размыт, тяготеет к 1 из 4-х вариантов: а) история России идет со времен Киевской Руси; б) Русь существует со времен крещения князем Владимиром; в) Россия существует со времен Великого Новгорода; г) история России начинается с возведения московских князей; при этом раскол не актуализирован в массовом сознании, не является темой размежевания групп

¹ Составлено на основе серии исследований, проведенных на базе Ресурсного центра социологических и интернет-исследований, в которых автор главы принимал непосредственное участие, отвечал в целом за проекты или за аналитику.

Продолжение таблицы 19

214

Компоненты базовой матрицы государственной идентичности	Властвующая политico-административная элита	Молодежь (студенческая, проживающая в крупных промышленных центрах безотносительно географического расположения региона)	Взрослые граждане РФ
«правильная символика»	апеллирует к единству многовековой истории и сильной российской государственности (флаг времен Петра Первого, герб – двуглавый орел, гимн – модифицированный текст советского гимна сталинских времен на музыку Александрова)	образ размыт; наиболее лояльное / положительное отношение к флагу государства	раскол образов актуализирован ограниченно в сознании старших поколений в связи с отказом от красного стяга и переписыванием слов советского гимна; отсутствие лозунга государства незначимо; присутствует представление не о взаимном дополнении, а о несогласованности основных символов государства
«правильный» исторический герой	проект «Выбираем имя России», Александр Невский; идеализация и даже сакрализация образов российских самодержцев	единий образ, который разделяло бы значительное большинство молодежи, отсутствует	безусловно «правильными» героями являются маршалы Победы – Конев, Рокоссовский, Малиновский и др.; раскол позиций вокруг фигуры Сталина; споры вокруг фигуры Ленина менее актуализированы; дискуссии вызывают, скорее, персоны из силовых структур, например Ф. Э. Дзержинский, Г. Г. Ягода, Л. П. Берия и др.
современный национальный герой-лидер	в российском официальном дискурсе – «национальный лидер» (глава государства)	лидер – В. Путин, но актуализирован образ «взрывателя несправедливого спокойствия» – А. Навального (образ оппозиционера как лидера прогрессивных сил укрепился по сравнению с 2015 г.)	при очень высоком показателе доверия В. Путину, раскол позиций связан с оппозицией точек зрения «альтернативы ему нет объективно – зачищено поле, “на скамейку запасных никого не пускают”»

Компоненты базовой матрицы государственной идентичности	Властвующая политico-административная элита	Молодежь (студенческая, проживающая в крупных промышленных центрах безотносительно географического расположения региона)	Взрослые граждане РФ
<i>Параметр 2. Образ «мы» (3 аспекта)</i>			
тиp цивилизации	мы – часть европейской культуры → мы – особая цивилизация на границе Запада и Востока	раскол в зависимости от региона проживания и размера населенного пункта	раскол в зависимости от региона проживания и размера населенного пункта
способ обозначения народа/населения/граждан	гражданская модель, связывающая принадлежность к русской / российской нации с гражданством РФ	население прежде всего «моего» региона	в зависимости от типа региона
самоопределение группы относительно значимых и знаковых групп	«мы – народ» → «мы – управляемцы». Народ – объект действия элиты, он «болеет», «нуждается», «страдает» и т. д.	ощущение собственной субъектности, значимости, самостоятельности, независимости. Элита – цель социального продвижения	раскол в восприятии оппозиции «субъект – объект»
<i>Параметр 3. «Они» (3 измерения)</i>			
доминирующая модель идентификации «других»	«другие = чужие, враги»; конфронтационная модель	доминирует конфронтационная модель, но встречается примерно у $\frac{1}{3}$ толерантная модель – «другие = иные, отличающиеся»	доминирует конфронтационная модель вне зависимости от политических взглядов; например, позиционирующие себя как либералы гражданские активисты, защитники гражданских прав активно сами используют язык ненависти и вражды

Окончание таблицы 19

Компоненты базовой матрицы государственной идентичности	Властвующая политико-административная элита	Молодежь (студенческая, проживающая в крупных промышленных центрах безотносительно географического расположения региона)	Взрослые граждане РФ
внешние «они»	США – «наши партнеры», «наши заклятые друзья»; «международный терроризм, который не имеет национальной принадлежности»	у жителей крупных городов – трудовые мигранты из южноазиатских государств; США – враг только для узкой группы маргинализированной молодежи; США – значимый «Другой» (нейтральный или позитивный)	большинство людей в возрасте старше 50 лет относится к «партии телевизора» и воспринимает ситуативно в качестве врагов те государства и политические силы, которые позиционируют в качестве таких СМИ
внутренние «они»	«коррупционеры» (2006–2007 гг.) → «5 колонна» (2012–2015 гг.) → «те, кто нам мешают»	представители более высокостатусных групп; представители других конфессий и некоторых этнических групп	опросы показывают, что в большинстве случаев носители других политических взглядов и собственники как таковые (мелкий, средний и даже крупный бизнес) в качестве врагов не воспринимаются. Большее раздражение вызывают чиновники, представители других конфессий, гастарбайтеры, представители «новых» наций для локального района проживания

Наиболее существенные причины отсутствия на сегодняшний день такой модели государственной идентичности, которая была бы принята если не всеми, то большинством населения нашей страны, коренятся в игнорировании массовых представлений о природе и сущности российского государства, а также в неспособности политической элиты предложить сколько бы то ни было конструктивный, объединяющий разные группы населения проект развития страны. Стабильность ситуативно оценивается как позитивная характеристика, однако без развития государства и общества она переходит в стагнацию и препятствует дальнейшему развитию. Политики знают, что самой позитивно воспринимаемой идеологической ценностью для народов нашего государства является социальная справедливость, однако в лучшем случае ограничиваются использованием ее как лозунга, но отнюдь не как принципа организации работы государственных структур. Необходимо также помнить, что наличие вызовов, персонифицирующихся в негативных внешних или внутренних «Других», срабатывает как средство сплочения на относительно короткий отрезок времени. Ситуация, когда после распада СССР в новой России политические элиты оказываются неспособными сформулировать программу развития страны, становится все более критической.

4.4. Контртенденции формированию политики и политического пространства: страх перемен и оправдание насилия

Формирование политического пространства там, где его нет, может происходить исключительно посредством морфогенеза. Пользуясь теорией «системной и социальной интеграции» Д. Локвуда¹, М. Арчер считает, что характер структур (на системном и социальном уровнях), которые могут быть сформированы взамен уже существующих, зависит от того, какими свойствами обладала структура на этих уровнях до трансформации. Иными словами, в условиях дополитики и зоны власти пространство / поле политики может сформироваться лишь в случае, когда агенты будут формировать структуры с политическим содержанием (это этап недополитики), после чего новая структура может закрепиться и оказывать на агентов обратное влияние (на этом этапе возникнет политика).

¹ См.: Lockwood D. Social integration and system integration // Social change: explorations, diagnoses, and conjectures / ed. by G. K. Zollchan, W. Hirsch. N. Y.: John Wiley & Sons, 1976. P. 370–383.